

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХ ПЯСТЫРЕЙ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на~~~~~ Подписка принимается въ
мѣстѣ четыре руб., съ пере- **№ 46.** редакціи сего журнала, при
сылкою пять р. с. ~~~~~ кievской семинаріи.

1870 года. Ноября 15-го.

Содержаніе: Поученіе въ недѣлю 24-ю по пятидесятницѣ — Древне-христіанскій религіозный символизмъ. — Бытъ сельскаго священника въ Болгаріи. — По вопросу о женскихъ духовныхъ училищахъ. — Объявленіе.

ПОУЧЕНІЕ

въ недѣлю 24-ю по пятидесятницѣ ¹⁾).

Въ сегодняшнемъ евангеліи, между прочимъ, описывается исцѣленіе одной больной женщины, которая 12-тъ лѣтъ лечилась у лекарей, имѣніе все истратила на лебарство, а пользы никакой отъ нихъ не получила. Двѣнадцать лѣтъ лечилась, а не вылечилась! Отъ чего же это произошло? Ужъ не грѣшно ли пользоваться лекарствами? Не противно ли Богу лечиться у лекарей?

Такъ какъ многіе изъ васъ считаютъ и называютъ лекарями вообще всѣхъ, которые берутся за леченіе: то мож-

¹⁾ Въ верстахъ 12 отъ церкви села Рютина, гдѣ было говорено сіе поученіе, съ иѣ котораго времени каждое лѣто проводить въ своемъ имѣніи докторъ Н. И. Быстровъ и безмездно пользуется больныхъ всякаго званія, истрачивая на раздаваемыя больнымъ ле-

но и даже слѣдуетъ сказать, что есть такіе лекари, у которыхъ противно, и есть такіе, у которыхъ не противно Богу и не грѣшно лечиться.

Противно Богу и грѣшно лечиться у такихъ лекарей, которые правильнѣе или вѣрнѣе называются знахарями, ворожеями, колдунами,—которые нигдѣ и ничему не учились и ничего не знаютъ, а берутся ворожить больныхъ посредствомъ наговоровъ и нашептываній на водѣ, маслѣ, винѣ или на чемънибудь другомъ, чтобъ морочить ихъ, а себѣ получить наживу или пользу. Такое леченіе, или лучше вороженіе, есть не что иное, какъ грубый обманъ. И такіе лекари, или правильнѣе, ворожен, знахари и наговорщики, никогда не являются съ своими затѣями, спадобьями къ людямъ мало-мальски не темнымъ—ученымъ. Они очень хорошо знаютъ, что имъ не провести знающаго—ученаго человѣка, что этотъ человѣкъ, при свѣтѣ науки, пожалуй, обличитъ темныя дѣла ихъ и подорветъ гнусное ремесло. Поэтому они, подобно ночнымъ птицамъ, чуждающимся дневнаго свѣта, и обращаются около темныхъ людей и злоупотребляютъ ихъ простотою, ловя въ мутной водѣ рыбу. Вотъ у такихъ-то лекарей или знахарей, дѣйствительно, противно Богу лечиться, и леченіе у нихъ не только бесполезно, но и вредно; а потому и надобно всячески избѣгать такихъ лекарей и ихъ леченія. »*Аще и Святая Троица* имя глаголется на сидевыхъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, аще и святыхъ будутъ призыванія, аще и знаменіе крестное наводится, *блжати подобаетъ сидевыхъ и отерашаи-*карства и бѣднѣйшимъ изъ нихъ даже на пищу весьма значительную сумму. Поэтому цѣлю сего поученія и было, съ одной стороны, возбудить и поддержать довѣріе больныхъ къ такому рѣдкому благодѣтелю, а съ другой—подорвать или вовсе истребить въ простомъ народѣ таковое довѣріе къ существующимъ въ окрестности знахарямъ.

ся». У настоящихъ же лекарей, которые иначе называются врачами, медиками и докторами, не противно Богу лечиться и не грѣшно пользоваться лекарствами, приготовленными ими. Эти люди на то и учатся, чтобы лечить больных,—они изучаютъ весь составъ человеческого тѣла до мельчайшей подробности, такъ что легко могутъ узнать, что въ немъ повредилось, заболѣло,—они знаютъ всѣ вещи и растенія, изъ которыхъ составляются лекарства, а потому и могутъ дать то именно лекарство, которое нужно отъ известной болѣзни. Объ этихъ лекаряхъ сказано, что ихъ наука ведетъ свое начало отъ Бога; что самъ Богъ создалъ для нихъ изъ земли всѣ врачевства или лекарства; что человѣкъ благо-разумный не возмущается ни врачемъ, ни врачествомъ, и что тотъ и другое для насъ необходимы. *Господь созда врача, говоритъ премудрый Исусъ сынъ Сираховъ, и отъ земли врачеванія, и мужъ мудрый не возмущается ими* (38, 4). И въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: *даже и мѣсто врачу, Господь бо его созда и да не удалится отъ тебе, потребенъ бо ти есть* (38, 12).

А потому, братіе, если кого изъ васъ постигнетъ какая нибудь серьезная болѣзнь,—не ходите къ ворожеямъ и знахарямъ. Это не только противно Богу и грѣшно, но можетъ быть слишкомъ вредно и пагубно для здоровья. Напротивъ обращайтесь, если имѣется возможность, къ настоящимъ законнымъ лекарямъ или по крайней мѣрѣ фельдшерамъ, у которыхъ не грѣшно и не бесполезно лечиться. Надобно только при леченіи имѣть терпѣніе, послушаніе и полное довѣріе къ совѣтамъ лекарей, не смотря на то, что иногда очень долго не видно пользы отъ леченія. Придетъ время,—лекарство сдѣлаетъ свое дѣло. Кто не слушается и пренебрегаетъ совѣтами настоящихъ лекарей, особенно въ болѣзняхъ эпидемическихъ, каковы: сибирская язва, холера и пр., тотъ очевидно самъ ищетъ своей смерти и осуж-

погибаетъ, то собственно отъ себя, отъ своего ослушанія, невозддержанія и неосторожности, а не по тому одному, что ему такъ суждено уже самимъ Богомъ. Конечно, и при леченіи у лекарей, надобно надѣяться не на нихъ однихъ и ихъ лекарства, а болѣе всего на Бога, Который наставля-етъ и умудряетъ самихъ лекарей или врачей и больнымъ по-могаетъ своею благодію. Призывая въ болѣзни врачей и принимая лекарство не надобно забывать о Богѣ, а молить-ся Ему, каяться въ грѣхахъ и дѣлать добро въ честь и славу Его. Тогда лекарства несомнѣнно помогутъ, и болѣзнь пройдетъ; а если и не пройдетъ болѣзнь, то Богъ поможетъ переносить ее терпѣливо и умереть покойно. Аминь.

Священникъ Гавріилъ Краснянскій.

Село Рютино

валд. уѣзда, новг. епархіи.

ДРЕВНЕ-ХРИСТИАНСКИЙ РЕЛИГИОЗНЫЙ СИМВО- ЛИЗМЪ ¹⁾).

Символическія изображенія св. апостоловъ.

До XIV вѣка, когда стали давать каждому апостолу особенный атрибутъ, всѣ апостолы имѣли общій и един-ственный атрибутъ—развернутый свитокъ въ лѣвой рукѣ.

Что же касается до особыхъ символическихъ изобра-женій апостоловъ, то главныя и древнѣйшія изъ нихъ были слѣдующія:

а) Изображенія агнцевъ, или овецъ въ числѣ 12-ти на основаніи словъ самаго Спасителя, Который, при отпра-вленіи апостоловъ на евангельскую проповѣдь, сказалъ имъ: *идите: се Азъ посылаю вы яко агнцы посреди волковъ* (Лук. 10, 3). Такъ изображались они въ древнихъ мозаи-

¹⁾ См. № 42-й.

бахъ и въ барельефахъ на саркофагахъ, при чемъ почти всегда представлялся тринадцатый агнецъ на горѣ, изъ которой выбѣгали четыре ручья, это—символическій образъ Спасителя и животворной евангельской проповѣди.

б) Изображенія голубей, на основаніи извѣстнаго совѣта Божественнаго Учителя ученигамъ *быть простыми подобно голубямъ* (Матѣ. 10, 16). Такъ, по свидѣтельству св. Павлина, апостолы изображались подѣ эмблемами голубей на стѣнахъ базиликъ и его церковь нольская была также украшена крестомъ, окруженнымъ вѣнцомъ, составленнымъ изъ 12 голубей. Еще до-нынѣ въ мозаикѣ, украшающей сводъ базилики св. Климента римскаго можно видѣть крестъ, на которомъ Спаситель окруженъ изображеніями 12 голубей.

в) Изображенія пальмоваго дерева, какъ это можно видѣть въ нѣкоторыхъ мозаикахъ римскихъ церквей, гдѣ изображеніе пальмоваго дерева находится подлѣ каждаго изъ апостоловъ, представленнаго подѣ образомъ человѣческимъ. Пальмовое дерево избрано символическимъ знакомъ апостоловъ, вѣроятно, на томъ основаніи, что по высотѣ своего ствола оно очень наглядно изображало высоту апостольскаго служенія въ Церкви Божіей, а идеями побѣды, которыя оно пробуждаетъ при своемъ представленіи, оживляло въ памяти вѣрующихъ торжество апостольской проповѣди надъ идолослуженіемъ и надъ страхомъ казней языческихъ тирановъ.

г) Кромѣ того, на одномъ надгробномъ памятникѣ двѣнадцать апостоловъ изображены подѣ символическими знаками 12 буквъ, расположенныхъ по шести съ двухъ сторонъ двери ¹⁾, надъ которой начертаны апокалипсическія буквы А и Ω, замѣняющія здѣсь самаго Спасителя.

¹⁾ Дверь на памятникахъ древне-христіанскаго искусства изображалась въ символическомъ значеніи Спасителя, назвавшего Себя дверью, въ которую всякій можетъ входить и обрѣтать вѣчное спасеніе.

д) Наконецъ, на основаніи словъ Спасителя къ апостоламъ: *Я сдѣлаю васъ рыбаками человековъ*, считаютъ символическими образами апостоловъ тѣхъ лицъ, которые представляются на памятникахъ христіанскаго искусства занимающимися рыбною ловлею, какъ напримѣръ, въ барельефѣ одного замѣчательнаго саркофага на Ватиканскомъ кладбищѣ.

Кромѣ символическихъ представленій апостолы гораздо чаще и притомъ на всѣхъ родахъ памятниковъ древне-христіанскаго искусства изображались подъ образомъ человѣческимъ, но изображенія этого рода прямо относятся къ области древне-христіанской иконографіи и не могутъ быть предметомъ настоящаго изслѣдованія о христіанскомъ религиозномъ символизмѣ. Перейдемъ теперь къ символическимъ изображеніямъ таинствъ крещенія и евхаристіи.

Символическія изображенія таинствъ крещенія и евхаристіи.

1. Символы крещенія.

Главныя символическія изображенія таинства крещенія, употреблявшіяся на памятникахъ христіанскаго искусства, были слѣдующія:

а) Изображеніе потопа, — на основаніи того сопоставленія, которое дѣлаетъ между потокомъ и крещеніемъ св. апостолъ Петръ: *во дни Ноевы, говоритъ онъ, осмь душъ спасошася отъ воды въ ковчегъ. Его же воображеніе имитируетъ и насъ спасаетъ крещеніе* (1 Петр. 3, 21). Отсюда понятно, почему нѣкоторые писатели, каковы, напримѣръ, Филонъ ¹⁾ и Гроцій ²⁾ называютъ Ноя «главою новой генерации», и почему изображенія Ноя въ ковчегѣ на памятникахъ христіанскаго искусства представляются въ такомъ

¹⁾ De vita Mos. I. II. ²⁾ Grotius. in cap. III. Epist. I., Petr. 21.

несмѣтномъ множествѣ, какъ видно изъ свидѣтельствъ археологовъ Боттари, Перрѣ, Буонаротти, Аллегранца, Маффѣя и друг....

б) Изображеніе перехода евреевъ чрезъ Чермное море, встрѣчающагося на многихъ саркофагахъ и въ мозаикахъ, между которыми особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи мозаика въ церкви св. Маріи. На событіе перехода евреевъ чрезъ Чермное море, какъ на символическій образъ крещенія смотрѣли всѣ отцы и учителя Церкви. Такъ блаженный Августинъ говоритъ: *Per mare transitus baptismus est*. Подобнымъ образомъ говорятъ—Григорій Назіанзинъ, Просперъ, Бада и друг. Такъ смотритъ на это событіе и св. апостолъ Павелъ: *отцы наши, говоритъ онъ, вси подѣ облакомъ быша, и вси сквозъ море продоша. И вси въ Морсея крестишася во облацѣ и въ мори* (1 Коринѣ. 10, 2).

в) Вода, низведенная изъ скалы жезломъ Моисея, въ подтвержденіе чего можно указать на свидѣтельство блаженнаго Іеронима, блаженнаго Августина, и друг.,—а также и вода іорданская, освященная крещеніемъ Спасителя, въ подтвержденіе чего можно сослаться на свидѣтельства Оригена ¹⁾, св. Григорія Нисскаго ²⁾ и друг.

г) Изображеніе бесѣды Спасителя съ самарянею при кладезѣ, служившее, по свидѣтельству св. Епифанія ³⁾, также символическимъ указаніемъ на таинство крещенія на томъ основаніи, что Спаситель имѣлъ въ виду именно крещеніе, когда сказалъ самарянкѣ: *вода которую Я дамъ ему, съѣдается для него источникомъ воды, текущей въ жизнь вѣчную* (Іоан. 4, 14).

д) Тоже значеніе, по свидѣтельству Климента александ-

¹⁾ Homil. XLIV. ²⁾ De bapt. Ghrist. opp. tvm. III. p. 375. ³⁾ Herodes. h. V.

рійскаго ¹⁾), дають также изображенію пальмоваго дерева, которое служило символомъ побѣды, одержанной крестившимся христіаниномъ надъ темною силою царства діавола, и еще-изображенію феникса, символу воскресенія, который въ данномъ случаѣ служилъ символомъ духовнаго возрожденія чрезъ крещеніе, а равно и изображенію оленя, столь часто встрѣчающемуся на памятникахъ древне-христіанскаго искусства, особенно въ живописи, и барельефахъ, украшающихъ крещальныя чаши и самыя крещальни ²⁾): оно служило символическимъ указаніемъ на оглашеннаго, одушевленнаго пламеннымъ желаніемъ получить крещеніе.

Наконецъ символомъ крещенія служило въ древности еще изображеніе голубя, -на томъ основаніи, что Духъ Святыи въ видѣ голубя сошелъ на главу Спасителя во время Его крещенія, почему изображеніемъ голубя почти всегда украшались древніе крещальныя купѣли и ихъ крышки, -тѣмъ же самымъ объясняется и древній обычай вѣшать въ крещальняхъ золотыя и серебряныя изваянія голубя.

II. Символы евхаристіи.

Изъ всѣхъ таинствъ христіанской вѣры евхаристія была таинствомъ, которое въ первые вѣка христіанства необходимо было особенно-тщательно скрывать отъ глазъ язычниковъ и одѣвать символическими покровами въ глазахъ оглашенныхъ. Идея Богочеловѣка, благоволившаго дать своему созданію въ пищу свою плоть и въ питіе свою кровь, была на столько выше пониманія человѣческаго ума и выше даже самыхъ смѣлыхъ и широкихъ желаній человѣческаго сердца, что для язычниковъ, а равно и для неофитовъ, которые еще не вполне могли проникнуть въ духъ высочайшей религіи Христовой, не могла не послужить предметомъ

¹⁾ Clement. epist. 1 Ad. Cor. XXIV. ²⁾ De sacris. christianorum balneis, Paciandi. 1758. p. 137.

удивленія, подобнаго тому, какое она возбудила въ самихъ ученикахъ Христовыхъ, когда въ первый* разъ была имъ открыта Божественнымъ Учителемъ: *жестокое есть слово сіе*, говорили они, *кто можетъ его послушати* (Іоан. 6, 60). Поэтому понятно, сколькимъ опасностямъ и нареканію могла подвергнуться одна изъ высочайшихъ таинъ откровенной вѣры Христовой, когда она могла привести въ смущеніе самихъ учениковъ Небеснаго Учителя, — понятно, сколько соблазна могъ представлять этотъ новый и столь высокій предметъ вѣры для людей или недостаточно приготовленныхъ къ уразумѣнію его, или для людей враждебно къ нему относящихся. Отсюда объясняется, почему первоначальная Церковь Христова, въ ученіи о таинствѣ, какъ на языкѣ письменномъ, такъ и на символическомъ языкѣ образовъ, употребляла всю осторожность и все благоразуміе для того, чтобы сокрыть его подъ извѣстными условными знаками и выраженіями и такимъ образомъ хотя нѣсколько ослабить поразительный блескъ этой величайшей христіанской истины.

Главные символическіе образы евхаристіи, какъ жертвы, или какъ таинства, заимствованы частію изъ ветхаго завіта, частію изъ новаго. Заимствованные изъ ветхозавѣтной исторіи и употреблявшіеся на памятникѣхъ древнехристіанскаго искусства, были слѣдующіе: прежде всего укажемъ на жертвоприношеніе Мельхиседека, изображенное въ мозаикѣ въ церкви св. Виталія равенскаго, относящейся къ VI вѣку. Оно представлено здѣсь въ томъ самомъ видѣ, какъ разсказывается о немъ въ 14-й главѣ книги Бытія, именно: великій ветхозавѣтный священникъ стоитъ предъ алтаремъ, на которомъ лежатъ два хлѣба, а между ними помѣщенъ небольшой сосудъ съ виномъ. Мельхиседекъ поднималъ руки къверху и какъ бы простираетъ ихъ къ означеннымъ дарамъ; его одежда состоитъ изъ епанчи, накиннутой сверхъ опоясанной тунники. Такимъ образомъ Мельхи-

седекъ по своей постановкѣ и по своей одеждѣ точъ въ точъ походитъ здѣсь на священника православной восточной Церкви во время совершенія имъ евхаристической жертвы, какъ это каждый можетъ увидѣть изъ приложеннаго здѣсь рисунка съ этого въ высшей степени интереснаго памятника.

Съ другой стороны алтаря стоитъ Авель съ поднятыми къ небу руками, и тѣмъ какъ бы выражаетъ свое участіе въ жертвоприношеніи Мельхиседека. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что агнецъ принесенный въ жертву Богу Авелемъ, есть самый древній образъ того Божественнаго Агнца, который имѣлъ нѣкогда принести себя въ жертву за спасеніе людей. Притомъ и самое жертвоприношеніе Мельхиседека, состоящее изъ хлѣба и вина, представляетъ очевиднѣйшій образъ жертвы евхаристической, которая также состоитъ изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ и служитъ постояннымъ повтореніемъ жертвоприношенія агнца Божія. Итакъ, въ данномъ случаѣ христіанскій художникъ для большей наглядности имѣлъ въ виду сопоставить вмѣстѣ два образа одного и тогоже таинства, которые по времени раздѣляются разстояніемъ больше двухъ тысячъ лѣтъ. Такъ смотрѣла на эту символическую композицію вся первенствующая Церковь Христова.

Далѣе, ветхозавѣтнымъ образомъ евхаристіи, какъ таинства, или небесной пищи, данной человѣку, служила манна, которою Господь питалъ въ пустынѣ народъ еврей-

скій: таково мѣніе всей первенствующей Церкви. Иначе и быть не могло; потому что Спаситель самъ благоволилъ выразить отношенія манны въ таинствѣ евхаристіи, какъ образа къ дѣйствительности, когда сказалъ объ евхаристическомъ хлѣбѣ: *сей есть хлѣбъ спешій съ небеси: не якоже ядохомъ отцы ваши манну, и умроша: ядый хлѣбъ сей, живъ будетъ во вѣкъ* (Іоан. 6, 58).

Но особенно важны и замѣчательны на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ тѣ изъ символическихъ изображеній таинства евхаристіи, которыя заимствованы изъ новозавѣтной исторіи. Укажемъ на главные изъ нихъ, каковы—изображеніе умноженія хлѣбовъ, претворенія воды въ вино на бракѣ въ Канѣ и изображенія пиршества.

Археологи согласно утверждаютъ, что, по внушенію пастырей первенствующей Церкви, христіанскіе художники, въ изображеніи чуда умноженія хлѣбовъ на памятникахъ христіанскаго искусства имѣли въ виду представить наглядную эмблему достопокланяемаго таинства евхаристіи, въ которомъ Спаситель дѣлается пищею для человѣка, чтобы сообщить ему силы окончить свое странствованіе на этой землѣ въ постоянной добродѣтели и вѣрности Богу, подобно тому, какъ Онъ чудеснымъ образомъ напиталъ голодную толпу, слѣдовавшую за нимъ три дня въ пустынь. Отсюда, изображеніе чуда умноженія хлѣбовъ на гробницахъ будетъ означать, какъ и дѣйствительно означало, что умершій запасся этимъ небеснымъ хлѣбомъ, пока не предпринялъ великій путь въ вѣчность, чтобы, подобно Іллі, подкрѣпившись въ силѣ, которую даетъ эта пища,—онъ могъ достигнуть до горы Божіей Хорива (3 Царств. 19, 8).

Кромѣ изображеній чуда умноженія хлѣбовъ на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ съ характеромъ символическаго указанія на таинство евхаристіи, большая часть археологовъ даетъ тоже значеніе еще изображеніямъ

чуда претворенія воды въ вино, совершеннаго Спасителемъ на бракъ въ Канѣ. Основываясь на словахъ святаго Кирилла іерусалимскаго, который говоритъ, что это первое чудо Спасителя служило образомъ претворенія вина въ кровь Божественнаго Искупителя, археологи и въ воспроизведеніи его на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ видятъ именно символическій образъ евхаристическаго пресуществленія. Достойно вниманія то обстоятельство, что изображенія этого чуда почти всегда, особенно въ скульптурѣ на саркофагахъ, плутъ, такъ сказать, рука объ руку съ изображеніями чуда умноженія хлѣбовъ, которыя, имѣли рѣшительное значеніе символическаго указанія на евхаристическую пищу; такимъ образомъ несомнѣнно, что христіанскіе художники, совмѣстнымъ изображеніемъ двухъ чудесъ на памятникахъ христіанскаго искусства, хотѣли символическимъ образомъ выразить два элемента таинства евхаристіи—хлѣбъ и вино, т. е. тѣло и кровь Христову. Впрочемъ строго разбирая свидѣтельство святаго Кирилла іерусалимскаго, мы должны замѣтить, что онъ пользуется чудомъ въ Канѣ только какъ нагляднымъ сравненіемъ за тѣмъ, чтобы чрезъ такое образное представленіе дать вѣрующимъ возможность хотя сколько нибудь выразумѣть и принять тайну евхаристическаго пресуществленія; стало быть совершеніе чуда въ Канѣ, по представленію означеннаго отца Церкви, скорѣе надобно считать воспоминательнымъ знакомъ, чѣмъ символическимъ образомъ таинства евхаристіи въ собственномъ смыслѣ. Но мы имѣемъ положительное свидѣтельство о томъ, что изображеніе упомянутаго чуда въ Канѣ дѣйствительно служило символическимъ образомъ евхаристіи,—мы разумѣемъ свидѣтельство блаженнаго Августина, который говоритъ, что мужъ Каны былъ образомъ Спасителя, на томъ основаніи, конечно, что бракъ въ Канѣ былъ образомъ евхаристіи—того небеснаго пиршества, ко-

торое Спаситель предлагаетъ душамъ вѣрующихъ. Это свидѣтельство подтверждается и самими памятниками древне-христіанскаго искусства, именно—изображенія претворенія воды въ вино на брагѣ въ Канѣ перѣдко встрѣчаются на евхаристическихъ чашахъ и тѣмъ какъ нельзя лучше опредѣляютъ свое символическое значеніе. Для образчика мы представляемъ здѣсь рисунокъ съ одной серебряной вазы, служившей вмѣсто евхаристической чаши,—памятника весьма замѣчательнаго, относящагося къ IV вѣку и исполненнаго съ рѣдкимъ изяществомъ.

Изображеніе чуда претворенія воды въ вино на брагѣ въ Канѣ на евхаристическихъ чашахъ, очевидно, указываетъ на власть, данную священникамъ, претворять вино въ кровь Іисуса Христа подобно тому, какъ Спаситель претворилъ воду въ вино на брагѣ въ Канѣ.

Особенно интересны на христіанскихъ археологическихъ памятникахъ изображенія пиршества, служившія символическимъ представленіемъ таинства евхаристіи. Сначала замѣтимъ, что вообще изображенія пиршества, встрѣчающіяся на памятникахъ христіанскаго искусства, особенно въ римскихъ катакомбахъ, двухъ родовъ: одни изъ нихъ не что иное, какъ изображенія небснаго пиршества, подѣ которыми въ священномъ писаніи разумѣется блаженство праведныхъ въ раю (Лук. 12, 37. 22, 29),—здѣсь равно представляются мужчины и женщины, и такъ какъ они весьма часто служатъ декораціей гробницамъ, то число гостей, участвующихъ въ пиршествѣ, разнообразится смотря по числу лицъ, покоящихся въ саркофагѣ, или погребальной комнатѣ. Другія, напротивъ, неизмѣнно представляютъ семь человѣкъ и притомъ безъ женщинъ, — всѣ они сидятъ за столомъ, на которомъ всю пищу составляютъ хлѣбы и печенныя рыбы. Эти-то послѣднія и суть символическія изображенія евхаристическаго пира. Таково изображеніе пиршества на диптихѣ кафедральнаго миланскаго собора, памятникъ V-го вѣка. За недостаткомъ мѣста участвующихъ въ пирѣ, по необходимости представлено здѣсь только четыре человѣка, Спаситель и три ученика Его. Столъ, за которымъ они сидятъ, изображенъ въ видѣ греческой буквы сигмы (полуокруглый), а на столѣ по среди шести хлѣбовъ, расположенныхъ крестообразно на подобіе Андреевскаго креста, лежитъ рыба. Спаситель беретъ правою рукою хлѣбъ и хочетъ раздать его своимъ ученикамъ. При видѣ этой картины умъ нашъ естественно переносится къ той вечери, которую Спаситель, по своему воскресеніи, устроилъ на берегу Тиверіадскаго моря для семи своихъ учениковъ, предложивъ имъ немного хлѣба и печеной рыбы: *егда убо излѣзоша ученицы на землю, говорится въ Евангеліи, видѣша огнь лежащъ, и рыбу на немъ лежащую, и*

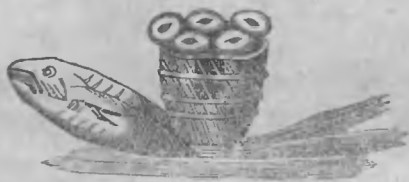
хлѣбъ.... и глагола имъ Исусъ: приидите, обѣдуйте.... и пріятъ хлѣбъ и даде имъ, и рыбу такожде (Іоан. 21, 9—14). Итакъ мы видимъ, что означенное изображеніе живописи до послѣдней точности воспроизводитъ евангельское повѣствованіе. Но, по свидѣтельству всѣхъ отцевъ Церкви и другихъ церковныхъ писателей, занимавшихся истолкованіемъ приведеннаго мѣста изъ евангелія, вечера, описанная здѣсь, служитъ прямымъ образомъ евхаристіи, исключаящимъ всякій другой смыслъ,—и это только потому, что рыба *ichthys* имѣетъ евхаристическое значеніе; такъ что, всякій разъ, какъ только древніе писатели означаютъ евхаристію подъ таинственнымъ названіемъ *рыбы*, а такое названіе они даютъ таинству почти всегда, они замѣствуютъ это символическое выраженіе изъ евангельскаго разсказа о вечери на берегу Галилеянскаго моря. Для доказательства здѣсь достаточно будетъ указать на слѣдующія свидѣтельства. Такъ блаженный Августинъ говоритъ: *Господь устроилъ семи ученикамъ своимъ пиръство, состоящее изъ рыбы, которая лежала на горящихъ угляхъ, и изъ хлѣба. Печеная рыба, это—Христосъ; Онъ также есть хлѣбъ, сшедый съ неба* ¹⁾. Или: *Piscis assus, Cristus est passus*, говоритъ Бэда ²⁾. Таковы свидѣтельства и христіанскихъ археологическихъ памятниковъ. Чтобы видѣть это, достаточно обратить вниманіе на фрески, недавно открытыя въ усыпальницѣ Каллиста. Изображенія эти ясно свидѣлствуютъ о томъ, что какъ церковные писатели, такъ и христіанскіе художники въ первые вѣба христіанства дѣйствительно были одушевлены однѣми и тѣми же мыслями и пользовались одними и тѣми же символическими образами и выраженіями для означенія высочайшихъ таинъ христіанской вѣры,—что какъ тѣ, такъ

¹⁾ Tract. XII. in Iohan. ²⁾ In Iohan. XXI.

и другіе подъ двойною эмблемою хлѣбовъ и рыбъ хотѣли выразить предъ глазами вѣрующихъ не другое какое либо единеніе ихъ съ Іисусомъ Христомъ, но именно то высшее и внутреннѣйшее единеніе ихъ съ Богомъ, которое совершается при посредствѣ евхаристической жертвы.

Прежде всего съ цѣлію уяснить себѣ то величайшее догматическое значеніе, какое имѣютъ означенныя изображенія по отношенію къ таинству евхаристіи, мы должны замѣтить, что какъ по своему стилю, обнаруживающему высочайшій вкусъ въ художникѣ, такъ и по совершенству исполненія, они стоятъ весьма близко къ самой лучшей эпохѣ римскаго искусства, именно: къ первой половинѣ III-го вѣка, т. е., къ такой эпохѣ, изъ которой представить памятникъ, рѣшительно подтверждающій высказанныя нами мнѣнія, есть дѣло величайшей важности.

Изображенія, о которыхъ идетъ рѣчь, находятся въ двухъ отдѣленіяхъ усыпальницы Каллиста. Укажемъ на главные изъ нихъ. Таково изображеніе рыбы, плавающей въ волнахъ съ плетеной корзиной на хребтѣ, — въ корзинѣ на верху пять хлѣбовъ круглыхъ, а внутри въ серединѣ чрезъ рѣшетчатую стѣнку ея виднѣется стеклянный продолговатый сосудъ краснаго цвѣта, который, конечно, не что другое представляетъ, какъ сосудъ съ винограднымъ виномъ. Это изображеніе представлено въ двухъ экземплярахъ на стѣнѣ въ одномъ изъ отдѣленій упомянутой усыпальницы. Вотъ рисунокъ съ этого рѣдкаго памятника.

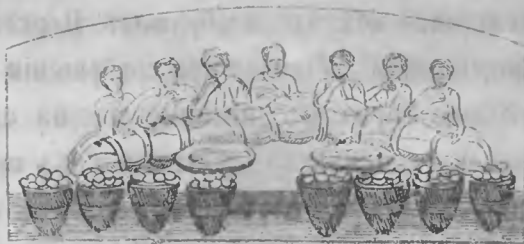

По общему признанію археологовъ, изображеніе хлѣбовъ на древнихъ памятникахъ, указываетъ на таинство ехва-

ристін,—но здѣсь къ хлѣбамъ присоединяется еще сосудъ съ винограднымъ виномъ, составляющимъ другое вещество евхаристіи. Такимъ образомъ взятый въ цѣломъ, этотъ драгоценнѣйшій памятникъ служитъ выразительнымъ напоминаніемъ одного мѣста изъ твореній блаженнаго Іеронима ¹⁾, гдѣ описывается обычай первенствующихъ христіанъ носить къ себѣ на домъ евхаристическое тѣло Спасителя въ корзинкѣ и Его драгоценную кровь въ стеклянномъ сосудѣ: *«нѣтъ ничего богаче того, говорится тамъ, кто носитъ тѣло Господне въ плетеной корзинѣ, и кровь (Господню) въ стеклянномъ сосудѣ»*.

Въ томъ же отдѣленіи усыпальницы Каллиста есть другое изображеніе рыбы, предлагаемой въ снѣдь вѣрующимъ, по смыслу еще болѣе прозрачное. Таково изображеніе на сводѣ стола въ видѣ изящнаго трепожника;—на столѣ лежатъ три хлѣба круглые, назнаменованы сверху крестомъ и одна рыба, вокругъ стола семь корзинъ съ хлѣбами. Извѣстно, что въ христіанской древности евхаристія всегда называлась аллегорическимъ названіемъ *стола Господня*. Отсюда присутствіе на означенномъ столѣ хлѣбовъ и рыбъ, значеніе которыхъ уже достаточно опредѣлено нами, дополняетъ евхаристическое значеніе изображеннаго здѣсь стола на столько, что другого значенія ему и дать нельзя...

Тоже значеніе указанія на таинство евхаристіи имѣютъ изображенія, находящіяся и въ другомъ отдѣленіи усыпальницы Каллиста. Здѣсь прежде всего представляется намъ одно изъ тѣхъ пиришествъ, на которыхъ предлагаются гостямъ только хлѣбы и печенныя рыбы, какъ видно изъ приложеннаго здѣсь рисунка съ этого интереснаго памятника...

¹⁾ Epist. ad. Rustic. n. XX.

Потомъ мы видимъ треножный столъ, совершенно подобный тому, о которомъ мы сказали выше, только обставленный подробностями новыми и въ высшей степени интересными, именно: на этомъ столѣ лежитъ одинъ хлѣбъ, назnaменованный крестомъ, и одна рыба на блюдѣ, — подлѣ стола съ одной стороны его стоитъ человекъ одѣтый въ одинъ паллій (верхній плащъ) и возлагаетъ руки на лежащія на столѣ приношенія, а съ другой стороны стола изображена женщина съ молитвеннымъ воздѣяніемъ рукъ. Вотъ рисунокъ съ этого рѣдкаго и въ высшей степени интереснаго памятника.

Нельзя не видѣть, что это изображеніе самымъ нагляднымъ образомъ представляетъ символическое указаніе на совершеніе таинства евхаристіи. Мужчина, находящійся у стола, — это священникъ, освящающій евхаристію, — молящаяся же женщина можетъ изображать Церковь, которая вмѣстѣ съ священникомъ молится при совершеніи таинства...

Въ заключеніе обратимъ вниманіе еще на одинъ памятникъ христіанскаго искусства, такъ же какъ предшествующіе, восходящій къ весьма глубокой древности, въ которомъ нельзя не видѣть болѣе или менѣе прямого намска на высочайшее таинство евхаристіи. Таково изображеніе пиршества, открытое археологомъ Бозио на кладбищѣ св. Марцеллина

и Петра, представленное въ такихъ интересныхъ подробностяхъ: за столомъ въ видѣ длиннаго четырехъугольника, накрытаго скатертью, сидитъ одна только женщина въ простой туникѣ, голова ея убрана по образу освящающихъ; на столѣ лежатъ три хлѣба и еще—три чашки и одинъ глиняный сосудъ (извѣстный у древнихъ подъ названіемъ амфоры). Женская фигура правою рукою граціозно приглашаетъ участвовать въ пирѣ, а лѣвою касается краемъ сосуда, какъ бы указывая тѣмъ на питье въ немъ, которое она хочетъ раздѣлить съ другими. По двумъ концамъ стола стоятъ служители, первый предлагаетъ чашу человѣку, который, по видимому, идетъ къ нему,—посохъ въ рукѣ и короткій плащъ на плечахъ указываютъ въ немъ странника. Второй служитель приглашаетъ рукою другаго человѣка, по одеждѣ и постановкѣ совершенно подобнаго первому.

По мнѣнію ученаго археолога Полидори, описанное изображеніе взято изъ 9-й главы книги *Притчей* и указываетъ, очевидно, на таинство святой евхаристіи. Въ книгѣ Притчей говорится, что *Мудрость*, построивши себѣ великолѣпный дворецъ, поддерживаемый семью колоннами, захотѣла предложить людямъ спасительное отдохновеніе въ немъ, для чего поставила здѣсь столъ, достаточно снабженный хлѣбомъ и виномъ, и послала служителей приглашать простыхъ и неученыхъ людей участвовать въ этомъ пиршествѣ, которое дастъ имъ силы выйти изъ младенческаго состоянія, начать жить истинною жизнію и идти по пути благоразумія: *оставите безуміе и живи будите... и възьмите разума да поживете* (Притч. 9, 6). А, по ученію отцевъ Церкви и въ особенности св. Капріана ¹⁾, эта *Мудрость* есть воплощенное Слово; дворецъ, который она выстроила—это *Церковь*; колонны—это по отношенію къ вет.

¹⁾ Epist. LXIII. Ad. Caecl.

хому завѣту—*пророки*, по отношенію къ новому—*апостоли* (число семь на языкѣ священныхъ книгъ есть число неопредѣленное, употребляемое для означенія чего нибудь законченнаго, совершеннаго); служители, посылаемые съ приглашеніемъ, суть *служители Божественнаго слова*; хлѣбъ и вино,—это Божественная *евхаристія* подъ двумя видами, наконецъ приглашенные, которые въ означенномъ изображеніи представлены въ видѣ странниковъ, суть *образъ людей*, страствующихъ по распутіямъ настоящей жизни ¹⁾).

Кромѣ упомянутыхъ изображеній, археологи считаютъ символическимъ указаніемъ на евхаристію еще *молоко* и даже пастушескій *сосудъ для молока*, извѣстный подъ именемъ *mulctra*, или *multrale*, на томъ основаніи, что Спаситель, явившійся св. мученицѣ Перистуѣ въ темницѣ съ цѣлію ободрить ее и поддержать въ ней силы для окончанія своей борьбы съ мучителемъ, явился къ ней подъ образомъ пастыря, предлагающаго ей нѣсколько молока, которое она принимаетъ на свои скрещенныя руки такъ, какъ дѣлали это первенствующие христіане предъ полученіемъ святаго причастія. Это объясненіе получаетъ еще большее вѣроятіе, когда припомнимъ, что св. Амвросій также къ евхаристіи ²⁾ относитъ слѣдующія слова книги Пѣснь Пѣсней (5, 1): *»я пила мое вино съ моимъ молокомъ«*. Молоко, будучи пищею дѣтей, служить такимъ образомъ и для обозначенія евхаристической пищи христіанъ, которымъ священное писаніе даетъ нерѣдко названіе *дѣтей*, или *молодыхъ рабовъ*, *infantes, adolescentuli*, или еще—*vituli lactantes* ³⁾).

¹⁾ Dictionnaire des antiquités chrétiennes, par. l'abbé Martigny. 1865. pag. 247-248. ²⁾ De Sacr. I. V. c. 3. ³⁾ Clement. Alexandr. Paedagog. I. 1. c. 5.

БЫТЬ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА ВЪ БОЛГАРІИ.

Съ уничтоженіемъ политическаго существованія Болгаріи, кончилась и независимость болгарской церкви Болгарія подпала подъ двойное рабство—турецкое и фанариотское. Нельзя съ достовѣрностью опредѣлить, что было страшнѣе для національнаго существованія болгаръ—турецкій произволъ, или угнетеніе константинопольскихъ фанариотовъ, которые забрали въ свои руки болгарскую іерархію и такимъ образомъ отняли у болгарскаго народа послѣднее его достоиніе. Фанариоты были заняты по преимуществу своими денежными интересами и не только вовсе не заботились о духовномъ развитіи болгаръ, но и всевозможными средствами старались истребить и то образованіе, которое они имѣли прежде,—и народъ впалъ въ крайнюю матеріальную и нравственную нищету. Такой порядокъ вещей водворился въ Болгаріи со времени покоренія ея турками и продолжался до нашихъ дней. Въ новѣйшее время, когда наступила эпоха общаго оживленія славянъ, у болгаръ также обнаружались признаки жизни; но эти признаки были у нихъ слабѣе, чѣмъ у другихъ славянъ. Болгарскій народъ и до сихъ поръ остается въ семьѣ славянъ наименѣе развитымъ въ духовномъ отношеніи. Новѣйшее возрожденіе болгаръ начинается съ 30-40 годовъ; только съ этого времени стали они сознательно думать о прочномъ національномъ развитіи, вслѣдствіе чего и былъ поднятъ вопросъ объ освобожденіи болгарской церкви изъ-подъ ига фанариотовъ.

Борьба между болгарами и константинопольскими фанариотами за независимую іерархію продолжалась почти 12 лѣтъ и только въ настоящемъ году султанскимъ фирманомъ отъ 29 февраля была признана болгарская церковь самостоятельной и независимою отъ церкви константинопольской. Но лишь теперь, послѣ рѣшенія болгарскаго церковнаго во-

проса, болгаре замѣтили, какъ имъ трудно избавиться отъ многовѣковаго нравственнаго рабства и отъ дурныхъ послѣдствій многовѣковаго духовнаго униженія. Они только теперь замѣтили, что имъ недостаесть истинныхъ и добрыхъ народныхъ пастырей, что у нихъ нѣтъ ни одного духовнаго училища, гдѣ бы, хотя сколько нибудь, могли приготовляться къ своему высокому званію будущіе духовные пастыри ихъ и учителя, безъ чего невозможно умственное развитіе народа и его нравственное преуспѣяніе. Такъ, болгарскій народъ пришелъ въ сознаніе, его народный духъ пробудился, онъ понялъ, что былъ униженъ до крайней степени, что его священныя права несправедливѣйшимъ образомъ были попораны; онъ обратилъ свои взоры къ церкви, въ ея служителяхъ думалъ пайти новыя силы для своего дальнѣйшаго духовнаго развитія. Но, къ сожалѣнію, въ церковной области онъ нашелъ самое крайнее запустѣніе, въ ней онъ увидѣлъ, какъ въ зеркалѣ, свое ужасное положеніе.

Мы не разъ встрѣчали въ болгарскихъ газетахъ очень незестные отзывы о болгарскихъ священникахъ; ихъ упрекають въ томъ, что они пренебрегаютъ своимъ высокимъ и святымъ званіемъ, что они кромѣ требника ничего больше не знаютъ и знать не хотятъ. Никто изъ священниковъ, говорится въ газетахъ, не поступаетъ теперь такъ, какъ поступали въ былое время ихъ предшественники; нигдѣ не видно, чтобы священникъ явился съ поученіемъ и совѣтомъ къ народу, чтобы заботился научить его тому, что ему нужно знать. Ни въ одной церкви не толкуется евангельское ученіе и не преподаются догматическія и нравственныя поученія къ народу. Некому исправлять заблужденія и ошибки прихожанъ, некому научить ихъ обязанностямъ къ Богу, ближнему и къ себѣ самимъ. У болгарскихъ священниковъ нѣтъ той нравственно-педагогической пастырской дѣятельности, какою они должны были бы обладать при

своемъ высокомъ званіи. Большинство нашихъ священниковъ,—мы передаемъ отзывы болгарскихъ газетъ,—по своему невѣжеству, или вовсе не обращаетъ вниманія на народныя, единственные въ Болгаріи, училища, или смотритъ на нихъ сквозь пальцы; тогда какъ при той близкой и неразрывной связи, которая существуетъ въ особенности между народомъ и пастырями въ Болгаріи, они многое и очень многое могли бы сдѣлать, помогая своимъ отеческими совѣтами и наставленіями какъ учителямъ, такъ и ученикамъ.... Не менѣе грустно отзываются болгарскія газеты и о черномъ духовенствѣ. Наше прежнее духовенство (черное), говорятъ газеты, воздвигло богоугодные дома въ самыя тяжелыя времена для народа и сдѣлало ихъ не только храмами Божиими, но и разсадниками богоугодной христіанской жизни народа; они въ тяжелую годину своимъ высокимъ званіемъ и высокою нравственною жизнію сохранили нашу вѣру и народность, своимъ народнымъ духомъ они сильно противодѣйствовали, какъ вліянію эллинизма, силившагося огречить болгаръ, такъ и грубому фанатизму магометанъ, которые каждую минуту были готовы уничтожить единственное наслѣдіе и лучшее украшеніе болгарской народности. А въ послѣднее десятилѣтіе, во время нашего домашняго спора съ греками объ отдѣленіи болгарской церкви отъ константинопольской, когда Фенеръ употребилъ все свое стараніе, чтобы уничтожить нашу народность, когда протестанты и хитрые іезуиты старались совратить нашъ народъ въ свою неправую вѣру, обѣщая ему независимую іерархію, если только онъ признаетъ главенство римскаго первосвященника,—въ это время кто изъ нашихъ монаховъ вышелъ изъ монастыря на защиту нашего народнаго права, единственнаго нашего наслѣдія? Кто изъ нихъ, какъ то дѣлали въ былое время ихъ предшественники, вышелъ изъ монастыря съ проповѣдью во устахъ для противодѣйствія коварной

пропагандѣ хитрыхъ изпскихъ клеветъ?.. Не существуетъ ли въ этихъ святыняхъ въ настоящее время самое глубокое невѣжество? и т. д. Такъ отзываются болгарскія газеты о современномъ болгарскомъ духовенствѣ! Не раздѣляя вполне такихъ отзывовъ, мы однакоже не можемъ не сказать, что въ нихъ есть значительная доля правды. Дѣйствительно, положеніе духовенства вообще въ Болгаріи въ настоящее время находится въ самомъ плачевномъ состояніи. Болгарское священство вовсе не приготовлено къ той дѣятельности, какую оно должно имѣть въ настоящее время и вовсе не обладаетъ тѣми пастырскими способностями и силами, какими должно бы владѣть при настоящихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Болгарскіе священники не имѣютъ того образованія, которое нужно для ихъ высокаго званія; они не въ состояніи пользоваться даже, — при рѣдкихъ, впрочемъ, счастливыхъ исключеніяхъ, — скудными средствами болгарской литературы, не говоря уже о тѣхъ литературныхъ средствахъ, которыми пользуется современный образованный міръ. Они не имѣютъ опытности и тѣхъ средствъ, которыя дасть духовное образованіе, чтобы могли съ успѣхомъ бороться съ хитрыми и искусными противниками православія. Большинство болгарскихъ священниковъ читаютъ съ трудомъ и запинаясь, и многіе изъ нихъ отправляютъ богослуженіе, не понимая его смысла и значенія. Вообще болгарскій сельскій священникъ не стоитъ по своему образованію, убѣжденіямъ и знанію выше народной среды; онъ имѣетъ тѣже заблужденія, какія имѣютъ и прихожане; онъ страдаетъ тѣми же слабостями, какими страдаетъ и народъ; онъ самъ теменъ и суевѣренъ, какъ и среда, въ которой онъ живетъ.

Вотъ каково несчастное положеніе болгарскаго священника! Но виноваты ли болгаре въ томъ, что не имѣютъ образованныхъ и достаточно развитыхъ пастырей? Кто

хотя отчасти знакомъ съ исторією болгаръ и тѣми тяжелыми и неблагопріятными условіями многовѣковаго рабства, подѣ какими они жили и живутъ, тотъ никогда не обвинить, а пожалѣеть о бѣдныхъ болгарахъ. Они не виноваты, а несчастны. Неосуждать и не презирать, а напротивъ нужно уважать болгаръ за то, что они при многовѣковомъ рабствѣ и томленіи сохранили жизнь и свою народность, и стремятся къ образованію. Посмотрите, съ какою охотою и любовію они жертвуютъ для возвышенія духовнаго образованія въ своемъ отечествѣ.—Каждый домъ болгарскій, не исключая и священниковъ, обложенъ церковною и училищною податью, которая всегда выплачивается аккуратно и съ любовью. Не болгаре, а фанатики турки и жадные до денегъ фонаріоты были причиною того, что болгарскій народъ впалъ въ крайнюю матеріальную нищету и до сихъ поръ не можетъ еще завести порядочныя духовныя школы, гдѣ бы могли приготовляться достойные священники. Въ Болгаріи нѣтъ духовныхъ семинарій и академій, гдѣ бы могли приготовляться молодые люди для поступленія въ духовное званіе; тамъ нѣтъ епархіальнаго духовнаго начальства, которое бы заботилось готовить и пріискивать пастырей церкви, нѣтъ также духовнаго сословія, гдѣ бы человѣкъ, такъ сказать, по праву происхожденія предназначалъ себя къ служенію церкви. Народъ самъ печется о себѣ, и изъ своей народной среды выбираетъ себѣ священниковъ. Такіе священники отличаются нравственностью, добротою и честностью; ихъ очень любятъ и уважаютъ паства: но они не учены и не образованы, какъ вообще всѣ поселяне. Въ Болгаріи есть только одни народныя училища, которыя содержатся на скудные средства самаго общества, такъ какъ правительство турецкое не только не способствуетъ къ разведенію болгарскихъ школъ, но еще всевозможными средствами старается мѣшать ихъ успѣху или за-

крывать ихъ. Въ этихъ—то народныхъ школахъ наровнѣ со всѣми дается и будущимъ пастырямъ церкви самое элементарное образованіе, которое далеко недостаточно для высокой цѣли пастыря. При такомъ положеніи дѣла пастырь, получившій только одно элементарное образованіе въ народныхъ школахъ, съ нимъ и остается на всю жизнь и не можетъ стать выше народныхъ предразсудковъ, суевѣрій и заблужденій. Болгарскій сельскій священникъ не въ состояніи проповѣдывать ни частно, ни публично, ни по домамъ, ни въ церкви, такъ какъ онъ незнакомъ съ общими и основными правилами церковнаго краснорѣчія. Правда, бываютъ въ этомъ отношеніи исключенія, но исключенія рѣдкія... Хорошо еще, если поступающій во священники получилъ по крайней мѣрѣ элементарное образованіе, а то болѣею частью бывасть такъ, что поступающій во священники умѣетъ только разбирать грамоту и уже послѣ рукоположенія собственными силами старается хоть сколько нибудь познакомиться съ церковными книгами, если таковыя окажутся въ церкви, къ которой онъ назначается священникомъ. Въ Болгаріи многія церкви не имѣютъ необходимыхъ церковныхъ книгъ или по причинѣ трудности полученія ихъ, или же по причинѣ бѣдности прихода, который не можетъ собрать на этотъ предметъ денегъ, потребныхъ въ значительномъ количествѣ; напримѣръ, чтобы купить только однѣ священныя книги, нужно заплатить въ Болгаріи минимумъ 3000 піастровъ. Иногда мѣстомъ приготовленія къ пастырскому служенію служатъ монастыри; тамъ кандидатъ священства можетъ узнать чинъ богослуженія, познакомиться съ священными книгами; но богословскаго образованія получить не можетъ. Очевидно, Болгарія владѣетъ очень скудными средствами, чтобы приготовить для себя способныхъ и достойныхъ пастырей. Впрочемъ сердце болгарскаго патріота не можетъ не согрѣваться надеждою луч-

шаго положенія его отечества въ близкомъ будущемъ при видѣ тѣхъ благихъ стремленій и свѣтлыхъ проявленій, какія замѣтны въ настоящее время между болгарами. Въ прошломъ и въ настоящемъ году болгарскія газеты не разъ извѣщали насъ о томъ, что почти въ каждомъ селѣ, въ каждой деревнѣ открываются приходскія училища и воскресныя школы, въ которыхъ занимаются обученіемъ грамотѣ дѣтей самаго бѣднаго класса, не имѣющихъ возможности заниматься грамотою въ рабочее время; а по временамъ читаются и публичныя лекціи изъ св. исторіи, изъ Евангелія и т. п. И по отзывать газетъ дѣло идетъ успѣшно. А въ нѣкоторыхъ городахъ открылись женскія общества, цѣль которыхъ распространять образованіе между женщинами, воспитывать бѣдныхъ дѣвицъ и сиротъ на свой счетъ, снабжать ихъ книгами и тому подобными учебными пособіями. А со временемъ эти общества, если пойдутъ успѣшно, если турецкое правительство не помѣшаетъ ихъ успѣшному ходу, на свой счетъ предполагаютъ воспитывать болѣе способныхъ дѣвицъ въ лучшихъ европейскихъ институтахъ или пансіонахъ.

Не смотря на то, что болгарскіе сельскіе священники такъ мало образованы и недостаточно приготовлены къ исполненію пастырскаго служенія, они пользуются самою высокою, чистою, искреннею любовію и уваженіемъ отъ своихъ прихожанъ. Болгарскій народъ не отчужденъ отъ своихъ священниковъ, какъ это мы замѣчаемъ въ другихъ странахъ, и смотритъ на нихъ безъ всякаго предубѣжденія. Личность священника въ Болгаріи недоступна для грубыхъ остротъ, унижительныхъ и смѣшныхъ прозвищъ, какими простой народъ такъ неблагопристойно и безцеремонно иногда клеймитъ своихъ пастырей въ другихъ странахъ. *Дндо понъ*, такъ называютъ болгаре своего священника, для болгарина—идеаль чести и правдивости. Болгаринъ

смотреть на *дѣда попа*, какъ на представителя и хранителя его отеческой вѣры и раздаятеля ея спасительныхъ благъ. Для болгарина не тяжела власть священника, онъ смотритъ на нее не какъ на власть стѣсняющую и подавляющую, а какъ на власть братскую, или отеческую, и потому она пріятна и сладка ему. Болгарскій священникъ думаетъ одну и ту же думу съ народомъ, у него одни и тѣ же интересы и стремленія; онъ говоритъ однимъ и тѣмъ же языкомъ съ народомъ и живетъ неразлучно съ нимъ. Этому братскому единенію и неразрывной связи болгарскихъ священниковъ съ народомъ очень много способствуетъ именно то обстоятельство, что въ Болгаріи нѣтъ духовнаго сословія, какъ отдѣльной касты. Если бы существовала сословность между болгарами, то она принесла бы дурныя послѣдствія; народъ раздѣлился бы на группы и каждая группа создала бы и преслѣдовала свои собственные интересы. Точно также и духовенство, если бы оно существовало какъ особое сословіе, отдѣлилось бы отъ народа, заключило бы себя въ извѣстный кругъ и своею исключительностью создало бы свои особые интересы и стремленія, которые или бы, можетъ быть, въ разрѣзъ съ народными интересами и стремленіями. Когда же духовенство имѣетъ свои интересы, отличные отъ интересовъ народа, оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ привлечь къ себѣ народную любовь, безъ которой священникъ не можетъ имѣть никакого вліянія на своихъ прихожанъ. Къ счастью, Болгарія можетъ похвалиться, что у нея нѣтъ гибельной сословности; у ней священникъ и народъ составляютъ одно неразрывное родное цѣлое. Вотъ откуда протекаетъ та симпатія къ духовенству въ Болгаріи и глубокое почитаніе священника болгаринами; вотъ почему такъ умилительно и съ благоговѣніемъ смотритъ болгаринъ на своего священника, и такъ усердно цѣлуетъ руку представителя его отеческой вѣры.

И все это дѣлается безъ всякаго принужденія, а по внутреннему влеченію сердца. Отношеніе прихожанъ къ священнику въ Болгаріи самое дружественное. Самый богатый, равно какъ и бѣдный, когда является между ними священникъ, встаютъ предъ нимъ на ноги, цѣлуютъ у него руку, даютъ ему первое мѣсто и слушаютъ его съ почтеніемъ и уваженіемъ. И священникъ приходитъ въ домъ болгарина, хотя бы самаго богатаго, какъ сосѣдь и братъ, и спрашиваетъ его съ участіемъ о семейныхъ дѣлахъ или о чемънибудь другомъ. Даже турецкія власти выражаютъ уваженіе къ священнику, когда онъ является передъ ними, напр. передъ мюдуремъ, или пашею. И они отдаютъ ему честь, какъ служителю Божию. Но въ особенности женскій полъ уважаетъ и почитаетъ священниковъ; никогда женщина, увидѣвши священника, не пройдетъ мимо, не поцѣловавши у него руки и не уступивъ ему дороги. Такимъ же точно почтеніемъ и уваженіемъ пользуется и *баба попадья*, какъ называютъ болгаре жену священника.

Болгарскій священникъ живетъ очень бѣдно и ограниченно; у него очень мало требованій жизни, но и для нихъ удовлетворенія недостаетъ средствъ. Онъ вовсе незнакомъ съ роскошью и утонченною жизнію, какъ потому, что его жизненные средства не позволяютъ ему это сдѣлать, такъ и потому, что среда, въ которой онъ вращается и надъ уровнемъ умственнаго образованія которой онъ почти не возвышается, не даетъ ему возможности познакомиться и пристраститься къ утонченной жизни цивилизованныхъ народовъ; онъ живетъ такъ, какъ живетъ весь народъ, на средства котораго онъ существуетъ. Его домашняя обстановка также проста, какъ и у каждаго селянина; онъ также просто и неизысканно одѣвается, какъ и каждый поселянинъ. Черная баранья шапка, черные изъ домашняго сукна шаровары и того же цвѣта и сукна длинная до ко-

лѣнъ куртка, въ родѣ рясы, — вотъ и одежда сельскаго болгарскаго священника. Рѣдко можно узнать или почти нельзя узнать болгарскаго священника по одесѣ; отличить его отъ мірянъ можно развѣ по бородѣ, такъ какъ въ Болгаріи въ селахъ носятъ бороды одни священники и старики, а молодымъ носить бороду не принято. Не смотря на бѣдность, домъ священника въ нашей странѣ всегда открытъ для всякаго путешественника; какой бы націи и вѣроисповѣданія онъ ни былъ, его отлично принимаютъ, угощаютъ чѣмъ Богъ послалъ, даютъ ему отдыхъ и расстаются съ нимъ, какъ съ роднымъ, желая ему всякаго счастія и благополучія.

Доходы болгарскаго священника добываются изъ разныхъ источниковъ. Каждое болгарское семейство обязано платить священнику ежегодно извѣстное количество денегъ, которое впрочемъ не превышаетъ десяти шіастровъ. Этотъ обычай съ давнихъ поръ ведется въ Болгаріи. Каждое первое число мѣсяца священникъ является въ дома своихъ прихожанъ съ святою водою для окропленія ею жильцовъ и жилищъ, за что ему даютъ отъ одного до трехъ шіастровъ, а нѣкоторые даютъ око зерна, кто кусокъ шерсти, кто другое что нибудь. Онъ получаетъ также вознагражденіе за исполненіе разныхъ церковныхъ требъ, напримѣръ, за вѣнчаніе, за погребеніе и т. п. Послѣ уборки хлѣба, винограда и другихъ плодовъ каждый поселянинъ даетъ священнику часть собраннаго имъ, какъ бы десятую часть своего приобрѣтенія. Это главные доходы священника, которые впрочемъ по бѣдности народа не могутъ быть значительными. Второстепенные доходы нашихъ священниковъ слѣдующіе. Въ Болгаріи принято, чтобы священникъ непосредственно послѣ обѣдни поздравлялъ съ днемъ ангела каждаго прихожанина въ своемъ приходѣ въ день его именинъ, за что этотъ послѣдній въ благодарность даетъ ему отъ

одного до трехъ піастровъ, смотря по состоянію имѣнника. Такія же посѣщенія и такая же благодарность бываютъ по большимъ праздникамъ. На канунъ крещенія (5-го января) каждый священникъ обходитъ дома своихъ прихожанъ съ святою водою, кропитъ ею жильцовъ и жилища, за что ему непременно даютъ одинъ хлѣбъ, кусокъ домашней колбасы ¹⁾ и отъ одного до двухъ піастровъ. Въ Юрьевъ день священникъ также получаетъ своего рода доходъ. Въ этотъ день рѣжутъ непременно ягненка. Безъ ягненка Юрьевъ день не праздникъ. Этотъ ягненокъ, — убивать козленка не обычай, — называется *курбаномъ* (слово турецкое значитъ — жертва). Передъ вечеромъ этого дня по нѣсколько семействъ, если село или деревня большая, собираются вмѣстѣ, гдѣ нибудь въ полѣ; если же деревня не большая, то вся деревня сходится на одно мѣсто и тамъ пируютъ. Но пиръ не начи-

¹⁾ По селамъ въ Болгаріи и до сихъ поръ существуетъ слѣдующій обычай остатокъ языческихъ временъ. Каждый болгаринъ убиваетъ свинью передъ Рождествомъ Христовымъ (колѣда); изъ мяса свиньи дѣлаютъ колбасы, часть которой и даютъ священнику въ день Богоявленія, а сало солятъ. Голову свиньи непременно пужно ѣсть наканунѣ новаго года (Василія Великаго) съ разными обрядами. Глава семейства передъ ужиномъ читаетъ молитву, беретъ глиняную кадильницу съ ееміамомъ въ рукахъ и обходитъ съ нею всѣ комнаты, погребъ, сарай и вездѣ кадитъ, и тогда уже начинается ужинъ. На столѣ непременно должна быть, какъ мы сказали, голова свиньи, коливо, т. е. вареная пшеница съ медомъ, кампотъ изъ сливъ, яблокъ и грушъ и слоеный пирогъ изъ свиного сала, въ который кладется древняя серебряная монета на красной ниточкѣ; въ пирогъ же кладутся еще вѣтки кизила, которымъ даютъ разныя названія и по которымъ гадаютъ о будущности и т. п. Обычай давать священнику хлѣбъ и колбасу сохранился только по селамъ и деревнямъ, а въ городахъ уже вывелся; въ городахъ вмѣсто хлѣба и колбасы даютъ деньги.

нается до тѣхъ поръ, пока священникъ не явится и не благословить трапезы, въ вознагражденіе за что каждое семейство даетъ ему, — этотъ обычай изстари ведется въ Болгаріи, — шкуру курбана, правое плечо испеченнаго ягненка и третью часть хлѣба, нарочно приготовленнаго для этого праздника; но денегъ въ этотъ день священнику не даютъ. Всѣ эти доходы, вмѣстѣ взятые, такъ незначительны, что не обезпечиваютъ достаточно священника и онъ нерѣдко бываеъ принужденъ прибѣгать къ хозяйственнымъ занятіямъ, чтобы сколько нибудь улучшить свою матеріальную жизнь. Почти всѣ сельскіе священники въ Болгаріи занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ или какимъ нибудь другимъ промысломъ. Нерѣдко можно встрѣтить священника въ полѣ съ заступомъ или сохою въ рукахъ на ряду съ самымъ послѣднимъ изъ его прихожанъ. Такое занятіе для болгарскаго священника удобно и онъ нисколько имъ не тяготится; такъ какъ онъ еще до поступленія на должность пастыри занимался хозяйствомъ, которымъ и успѣлъ обзавестись.

Дѣти священниковъ получаютъ такое же образованіе, какое получаютъ и дѣти прихожанъ. Они учатся только грамотѣ, читать псалтирь и апостолъ и прислуживаютъ въ церкви въ качествѣ чтецовъ до юношескаго возраста, а послѣ уже приступаютъ къ хозяйственнымъ или къ какимъ нибудь другимъ занятіямъ; такъ какъ дѣти священниковъ не поступаютъ на мѣста своихъ отцовъ, а болѣею частью остаются въ селѣ и дѣлаются простыми земледѣльцами. Нѣкоторые же, если ихъ отцы болѣе состоятельны, кончаютъ курсъ элементарнаго образованія въ ближнемъ городѣ и послѣ поступаютъ учителями въ свои родныя села или же дѣлаются священниками.

Производство новыхъ священниковъ въ Болгаріи отличается во многомъ отъ рубоположенія священниковъ въ

Россіи. Въ Болгаріи самъ народъ избираетъ себѣ священника, а не епархіальное начальство. Въ Болгаріи епархіальное начальство никогда не заботится о томъ, чтобы присылать священниковъ туда, гдѣ нуждаются въ нихъ; напротивъ, оно обыкновенно ждетъ просьбы прихожанъ того мѣста, гдѣ нуженъ священникъ. Прихожане овдовѣвшаго прихода общимъ голосомъ выбираютъ новаго священника изъ своей среды, отличающагося благочестіемъ и испытанною нравственностью. Если же является желающій поступить во священники, то онъ объявляетъ свое желаніе народнымъ старшинамъ. Народные старшины и прихожане не обращаютъ вниманія на то, ученъ ли ищущій священства или нѣтъ, а обращаютъ вниманіе на то, чтобы онъ отличался честностью, нравственностью и добрымъ обхожденіемъ, умѣлъ читать: *Отче нашъ*, *Вѣрую*, *Помилуй мя, Боже*, Евангеліе, Апостолъ и другія богослужебныя книги. Если онъ удовлетворяетъ симъ требованіямъ, то его и выбираютъ. Послѣ соглашенія съ будущимъ священникомъ, старшины народные пишутъ къ мѣстному архіерею прошеніе, въ которомъ объявляютъ ему свое желаніе и просятъ, чтобы онъ рукоположилъ избраннаго кандидата. Это прошеніе относитъ архіерею самъ кандидатъ. Испытаніе кандидата въ вѣрѣ и его познаніяхъ при архіерей чрезвычайно ограничено; архіерей смотритъ только на то, чтобы избранный умѣлъ читать безъ особенныхъ запинокъ и ошибокъ псалтирь, Евангеліе, Апостолъ и т. д. Убѣдившись въ его умѣни читать означенныя книги, архіерей соглашается на его рукоположеніе. Плата за рукоположеніе въ Болгаріи не опредѣлена официально; количество оной зависитъ отъ воли архіерея и отъ воли чиновъ, окружающихъ архіерея. Переговоры о платѣ за рукоположеніе продолжаются по нѣсколько дней, иногда даже недѣль, и послѣ долгихъ уступокъ со стороны архіерея и прибавокъ со стороны кандидата, наконецъ рукополагаютъ

его. Этимъ случаемъ не мало пользуются чины, окружающіе архіерея. Часто случается, что новый священникъ платитъ за свое рукоположеніе отъ двухъ до пяти тысячъ пиастровъ. Онъ, кромѣ того, долженъ внести еще въ кассу той церкви, куда поступаетъ священникомъ, также извѣстную сумму, по опредѣленію прихожанъ. Нерѣдко бываетъ, что новый священникъ, за невозможностію заплатить требуемое количество денегъ архіерею и приходу изъ своего кармана, бываетъ принужденъ распродать почти все свое имущество движимое и недвижимое, какъ-то: овецъ, коровъ и проч.; или же занять у прихожанъ съ тѣмъ, чтобы послѣ заплатить имъ все до копѣйки. Исправная плата архіерею и приходу денегъ впередъ есть непремѣнное условіе поступить во священника. Другое условіе тоже непремѣнное—имѣть дѣтей; а у кого нѣтъ дѣтей, того ни за какія деньги не рукоположить архіерей во священники.

Болгаръ.

ПО ВОПРОСУ О ЖЕНСКИХЪ ДУХОВНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ.

Между вопросами, возникающими въ средѣ духовенства и подвергающимися горячему и серьезному обсужденію не послѣднее мѣсто въ настоящее время занимаетъ вопросъ объ образованіи дѣтей женскаго пола. Рѣдкій съѣздъ духовенства обходится безъ того, чтобы какъ-нибудь, стороною или прямо, не былъ затронутъ этотъ вопросъ. Обсужденіе его нѣкоторые хотятъ сдѣлать даже литературнымъ. И не удивительно. Воспитаніе и образованіе дѣтей всегда составляло первый предметъ заботъ духовенства; для него оно посвящало все свои матеріальныя средства. Но до настоящаго времени духовенство главнымъ образомъ заботилось и думало о воспитаніи и образованіи своихъ сыновей.

Воспитаніе же и образованіе дочерей было на заднемъ планѣ. Поднятіе образованія въ быту крестьянскомъ, разрѣшеніе вопроса о духовномъ сословіи, отмѣна обычаевъ, вошедшихъ въ жизнь духовенства—предоставлять приходы за дѣвицами осиротѣвшихъ семействъ и вообще поручать содержаніе осиротѣвшихъ семействъ вновь поступающимъ на приходы священникамъ,—выдвигаютъ въ настоящее время на первый планъ воспитаніе и образованіе дочерей духовенства. Дочь священника, желающая сдѣлаться женою священника, въ настоящее время непремѣнно должна быть образованною дѣвицею; иначе она не будетъ пользоваться уваженіемъ тѣхъ прихожанъ, которые обучаютъ своихъ дѣтей грамотѣ, и не будетъ гармонировать съ современнымъ положеніемъ священника въ приходѣ. Та же дочь, которая останется внѣ брака, должна сама помышлять о будущихъ средствахъ своей жизни. Духовенство, внимательное къ своему положенію, не можетъ не тревожиться будущею судьбою такихъ дочерей; оно не можетъ оставлять ихъ на произволъ судьбы и не давать имъ въ руки средствъ самимъ добывать себѣ пропитаніе и приличное содержаніе. Но какія же средства оно можетъ дать имъ въ руки? Матеріально обезпечить ихъ оно не въ состояніи, да если бы и было въ состояніи, то такое обезпеченіе не могло бы быть вѣрнымъ и надежнымъ. Единственнымъ вѣрнымъ средствомъ къ добыванію себѣ приличнаго содержанія можетъ быть образованіе. Но какого же рода образованіе на этотъ разъ можетъ быть полезнымъ? Какъ должны воспитывать и образовывать своихъ дочерей священники, чтобы въ будущемъ обезпечить имъ приличное содержаніе?

Разрѣшеніемъ—то этого вопроса въ настоящее время и занято духовенство. Одни вполне удовлетворяются настоящими женскими духовными училищами, считают ихъ совершенно достаточными для достиженія вышеозначенной

цѣли, и съ большею охотою отдають своихъ дочерей въ эти училища для полученія въ нихъ образованія; другіе предпочитаютъ женскимъ духовнымъ училищамъ свѣтскія женскія гимназіи, считаютъ образованіе въ нихъ получаемое болѣе приспособленнымъ къ будущему положенію женщины, и отдають своихъ дочерей въ эти заведенія; третьи не довольны ни тѣми, ни другими и готовы устроить и открывать свои училища, въ которыхъ бы дѣти ихъ обучались разнымъ руководѣльнымъ работамъ, которыя, по ихъ мнѣнію, въ настоящее время могутъ составить лучшее обезпеченіе для женщины. Мы не станемъ заниматься разборомъ и критическою оцѣнкою этихъ желаній духовенства; они естественно возникаютъ изъ современнаго положенія духовенства. Но мы хотѣли бы уяснить значеніе женскихъ духовныхъ училищъ въ дѣлѣ образованія по указанію начертаннаго и Высочайше утвержденнаго для нихъ устава и показать отношеніе ихъ къ настоящимъ требованіямъ духовенства касательно образованія ихъ дочерей.

По опредѣленію устава, женскія епархіальныя училища суть учебно-воспитательныя заведенія, предназначаемыя для образованія дочерей православнаго духовенства, но не исключаящія принятія дѣвицъ и изъ другихъ сословій, со взносомъ платы, опредѣляемой мѣстнымъ духовенствомъ (§ 1). Такимъ образомъ по своему назначенію эти училища не суть училища сословныя, но открытыя для всѣхъ желающихъ въ нихъ обучать своихъ дочерей. Но не устраняя дѣвицъ и изъ другихъ сословій, эти училища имѣютъ свое особое назначеніе и свою особую организацію. Они состоятъ въ вѣденіи святѣйшаго синода, подъ управленіемъ епархіальныхъ архіереевъ, и ввѣряются ближайшему попеченію мѣстнаго духовенства, которое само изыскиваетъ средства къ содержанію училища и наблюдаетъ за благосостояніемъ его по всѣмъ частямъ (§§ 3 и 14). Изъ предметовъ обученія

обязательными считаются въ женскихъ епархіальныхъ училищахъ слѣдующіе: 1) Законъ Божій, подъ которымъ разумѣются исторія ветхаго и новаго завѣта, пространный катихизисъ, объясненіе богослуженія, церковная исторія—всеобщая и русская; 2) русскій языкъ, русская словесность и практическое ознакомленіе съ славянскимъ языкомъ; 3) арифметика и общія основанія геометріи; 4) географія всеобщая и русская; 5) гражданская исторія—всеобщая и русская; 6) общія необходимыя свѣденія изъ физики; 7) педагогика; 8) чистописаніе; 9) церковное пѣніе. Необязательными считаются новѣйшіе языки, музыка, рисованіе. Кромѣ того дѣвицы обязательно обучаются въ неклассное время кройкѣ, шитью, вязанью и вообще домашнему рукодѣлю (§ 80). Нравственное же воспитаніе въ училищѣ имѣетъ цѣлію своею утвержденіе воспитанницъ въ истинномъ благочестіи и правильное развитіе характера, соотвѣтственно ихъ будущему назначенію (§ 89). Вслѣдствіе этого воспитанницы подчиняются особой дисциплинѣ; они ежедневно слушаютъ положенныя молитвы утромъ и вечеромъ, прежде и послѣ стола, при началѣ и въ концѣ уроковъ въ классѣ; въ воскресные и праздничные дни воспитанницы присутствуютъ при богослуженіи и, по возможности, поютъ и читаютъ на клиросѣ (§§ 91. 92). Въ видахъ пріученія къ домашнему хозяйству воспитанницы сами для себя шьютъ и починяютъ бѣлье и платье, убираютъ комнаты и постели, по очереди участвуютъ въ приготовленіи кушанья на кухнѣ, собираютъ на столъ и подаютъ кушанье въ столовой, занимаются садкою и поливкою разныхъ овощей и растений и другими предметами домашняго хозяйства (§ 95). Содержаніе воспитанницъ не необходимо въ общежитіяхъ, устроенныхъ въ самомъ училищѣ; онѣ могутъ быть дома—у родителей, или же у благонадежныхъ лицъ (§ 99). Таково въ сущности устройство женскихъ епархіальныхъ духов-

ныхъ училищъ по уставу, для нихъ предначертанному и Высочайше утвержденному. Оно не можетъ возбуждать ни малѣйшаго неудовольствія со стороны духовенства. Училища по своему матеріальному благосостоянію и управленію находятся въ полной зависимости отъ духовенства. Духовенство само избираетъ начальницу женскаго училища и членовъ совѣта женскаго епархіальнаго училища; оно само изыскиваетъ средства къ содержанію училища и чрезъ избираемыхъ имъ членовъ училищнаго совѣта наблюдаетъ за благосостояніемъ училища по всѣмъ частямъ его. Словомъ, вся административная и экономическая часть училища сосредоточена въ рукахъ духовенства; съ разрѣшенія мѣстнаго преосвященнаго оно можетъ приводить въ исполненіе всѣ законные способы и мѣры, предпринимаемыя къ улучшенію быта училищъ (§§ 14. 15. 17. 27).

Посмотримъ теперь, какъ могутъ удовлетворять училища подобнаго рода современнымъ требованіямъ духовенства касательно воспитанія и образованія его дочерей. Спросимъ прежде всего, кого хочетъ видѣть духовенство въ своихъ дочеряхъ? Конечно оно прежде всего пожелаетъ имѣть благовоспитанныхъ и образованныхъ дѣвицъ, не выдѣляющихся изъ ряда образованныхъ людей. Для достиженія этой общей цѣли программа наукъ, преподаваемыхъ въ женскихъ духовныхъ училищахъ, правила дисциплинарія, въ нихъ наблюдаемые, могутъ быть признаны вполне достаточными. Воспитанница, окончившая курсъ женскихъ духовныхъ училищъ, можетъ имѣть необходимыя свѣденія и по русскому языку и русской словесности, можетъ достаточно знать и арифметику и географію и гражданскую исторію всеобщую и русскую; можетъ познакомиться съ существенно необходимыми свѣденіями о воспитаніи и обученіи дѣтей;—словомъ, можетъ ознакомиться со всѣми общеобразовательными предметами. Кромѣ того, она можетъ, если пожелаетъ, озна-

комиться съ новѣйшими языками, музыкою, рисованіемъ. Больше этого едва ли кто станетъ требовать отъ образованной дѣвицы. Направленіе же даваемое въ женскихъ духовныхъ училищахъ, приученіе къ домашнему хозяйству, приученіе къ вышнему благоприличію, скромности, опрятности, бережливости, могутъ способствовать развитію серьезнаго характера. Словомъ, для общей воспитательной цѣли женскія духовныя училища въ своемъ настоящемъ видѣ могутъ быть вполне пригодными.

Но духовенство при воспитаніи и образованіи своихъ дочерей не станетъ руководиться этою одною общою цѣлію; оно пожелаетъ воспитать и приготовить изъ своихъ дочерей а) добрыхъ и достойныхъ женъ священниковъ, если Богъ благословитъ ихъ быть такими; б) оно пожелаетъ приготовить изъ нихъ добрыхъ и трудолюбивыхъ членовъ общества, способныхъ сносить себѣ приличное содержаніе въ случаѣ бѣдности, недостатка и вообще какихъ нибудь непредвидѣнныхъ жизненныхъ обстоятельствъ. Последнее стремленіе едва ли не первое мѣсто займетъ въ ряду другихъ его желаній.

Что касается перваго желанія, то едва ли какое-нибудь другое училище можетъ такъ хорошо приготовить дочерей духовенства—быть достойными сотрудницами своихъ мужей и по хозяйству и въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, какъ наши женскія духовныя училища. Курсъ наукъ, преподаваемыхъ въ женскихъ училищахъ, свѣтскихъ и духовныхъ, почти одинъ и тотъ же; но направленіе, даваемое въ женскихъ училищахъ, и имѣющее въ виду развитіе нравственнаго характера, значительно разнится во всѣхъ женскихъ заведеніяхъ. Рѣдкое женское заведеніе обращаетъ вниманіе на будущее положеніе, будущую жизнь своей воспитанницы; всѣ заботы по отношенію къ ней опредѣляются въ нихъ одною общою цѣлію—дать удовлетворительное образованіе. Воспитанница прошла курсъ общеобразовательныхъ наукъ, за-

рекомендовала себя отличными успѣхами; заведеніе гордится ею, считаетъ выполненными по отношенію къ ней всѣ свои обязательства; въ будущую жизнь, будущее положеніе воспитанницы оно не заглядываетъ. Такъ называемымъ *идеальнымъ* направленіемъ, не соответствующимъ жизни, страдаютъ почти всѣ наши учебныя женскія заведенія. Значительное исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ наши женскія духовныя заведенія. Въ уставѣ, для нихъ предназначенномъ, именно имѣлось въ виду то, чтобы воспитанницъ этихъ заведеній не отрывать отъ ихъ будущей жизни, но приготовить и приспособить ихъ къ ней. Воспитанницы нашихъ женскихъ духовныхъ училищъ, согласно выше приведеннымъ параграфамъ устава, сами для себя шьютъ и починаятъ бѣлье и платье, убираютъ комнаты и постели, поочередно участвуютъ въ приготовленіи кушанья на кухнѣ, собираютъ на столъ и подаютъ кушанье въ столовой, занимаются садкою и поливкою разныхъ овощей и растений и другими предметами домашнего хозяйства ¹⁾. Онѣ обязательно обучаются кройкѣ, шитью, вязанью и вообще домашнему руководѣлю. Содержаніе ихъ самое незатѣйливое и скромное. По окончаніи курса онѣ возвращаются въ свою семью не оторванныя отъ своего роднаго очага, его привычекъ, обычаевъ, занятій. Это важное преимущество нашихъ женскихъ духовныхъ училищъ! Воспитанница женскихъ духовныхъ училищъ легко можетъ помириться со всѣми трудностями скромной, семейной, небогатой жизни. А такого рода подруга жизни и нужна для нашего настыря Церкви. Чего недостасть нашему священнослужителю, получившему достаточное научное образованіе и потомъ по-

¹⁾ Къ такой жизни приучаютъ дѣвицъ только въ Швейцаріи; въ нашихъ свѣтскихъ женскихъ заведеніяхъ эта сторона приспособленія къ жизни оставлена безъ вниманія.

ставленному судьбою въ деревенской глуши, среди только что еще начинающихъ развиваться поселянъ? Прежде всего недостаетъ ему, отвѣтимъ словами одного архипастыря, «сколько нибудь развитой умственно и нравственно подруги жизни, подруги, которая не однимъ виѣшнимъ сожитіемъ, а и умомъ и сердцемъ дѣлила бы тяготу его жизни, ясною мыслию и живымъ чувствомъ облегчала бы его душевныя томленія, и раздѣляя съ нимъ радость и горе, изъ которыхъ впрочемъ послѣдняго у него всегда болѣе чѣмъ первой, не давала бы ему чувствовать своего одиночества и въ собственномъ домѣ и въ средѣ, его окружающей»¹⁾. Дѣйствительно нашъ священнослужитель нуждается въ подругѣ такого рода. Ему нужно лице, облегчающее его труды и ободряющее его духъ. А такихъ лицъ могутъ готовить и воспитывать наши женскія духовныя училища, обращающія главное вниманіе на серьезное умственное и нравственное развитіе. Заранѣе приучая ихъ къ трудовой скромной жизни, они не располагаютъ ихъ увлекаться фантастическими представленіями и строить разные несбыточные планы на счетъ своей будущности; жизнь имъ представляется во всей своей суровой наготѣ, и имъ не придется разочаровываться въ своихъ предположеніяхъ, надеждахъ и ожиданіяхъ. Такимъ образомъ женскія духовныя училища могутъ вполне удовлетворять желаніямъ духовенства перваго рода. Они готовятъ ихъ дочерей быть достойными подругами священнослужителей при ихъ многотрудномъ служеніи.

Что касается втораго желанія духовенства—воспитать изъ своихъ дочерей полезныхъ членовъ общества, способныхъ въ случаѣ нужды снискать для себя приличное со-

¹⁾ Изъ рѣчи, сказанной въ смоленскомъ женскомъ духовномъ училищѣ покойн. еписк. смоленск. Іоанномъ (См. Кіев. епарх. вѣд. 1868 г. № 8).

держаніе, — то для осуществленія и этого желанія женскія духовныя училища могутъ быть вполне достаточными. Науки, читаемыя въ женскихъ духовныхъ училищахъ, тѣ же самыя, которыя преподаются и въ свѣтскихъ учебныхъ женскихъ заведеніяхъ. Передъ нашими глазами уставъ училищъ для приходящихъ дѣвицъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, и Высочайше утвержденное положеніе о женскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ въ губерніяхъ: кіевской, подольской и волынской ¹⁾. Въ томъ и другомъ къ обязательнымъ предметамъ причислены тѣ самыя, которые читаются въ женскихъ духовныхъ училищахъ; въ необязательнымъ прибавлены уроки танцованія. Думаемъ, что духовенство не станетъ особенно жалѣть о томъ, что ихъ дочери не будутъ слушать уроковъ танцованія, которые едва ли имъ придется прилагать въ жизни. Вопросъ теперь можетъ быть только касательно самаго преподаванія наукъ, читаемыхъ въ женскихъ духовныхъ училищахъ, касательно того, — въ такомъ-ли видѣ эти науки читаются въ женскихъ духовныхъ училищахъ, въ какомъ онѣ читаются въ свѣтскихъ женскихъ заведеніяхъ? На это мы отвѣтимъ, что преподавателями въ женскихъ духовныхъ училищахъ большею частію состоятъ наставники духовныхъ семинарій, получившіе образованіе въ академіяхъ; слѣдовательно не можетъ быть сомнѣнія на счетъ успѣшнаго веденія ими дѣла образованія. Намъ приходилось быть свидѣтелями того, какъ воспитанницы женскихъ духовныхъ училищъ нисколько не уступали въ своемъ развитіи и образованіи воспитанницамъ свѣтскихъ женскихъ училищъ; такъ напр. тѣ изъ воспитанницъ женскихъ духовныхъ училищъ, которыя поступали въ педагогическіе курсы, при женскихъ гимназіяхъ, также блистательно держали окончательные экзамены, какъ и лучшія воспитанницы свѣтскихъ женскихъ училищъ. Сами священнослужители хорошо сознаютъ это и, какъ приходилось слышать отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, искренне сожалѣютъ о томъ, что не успѣли опредѣлить своихъ дочерей въ свѣтскія женскія училища, въ которыхъ, по ихъ мнѣнію, воспитанницы не получаютъ такого серьезнаго ум-

¹⁾ См. Собраніе узаконеній и распоряженій правительства, издав. при правит. сенатѣ № 55, 1869 года.

ственного и нравственного развитія, какое дается въ женскихъ духовныхъ училищахъ.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что для успѣшнаго веденія воспитанія и образованія дѣвицъ духовнаго званія, духовенство, не расходясь въ своихъ мнѣніяхъ и сужденіяхъ, должно сосредоточить все свое вниманіе на возможно лучшемъ утройствѣ быта женскихъ духовныхъ училищъ въ томъ духѣ и направленіи, которые указаны имъ Высочайше утвержденнымъ уставомъ. Нечего смущаться тѣмъ, что эти училища носятъ названіе женскихъ духовныхъ училищъ; съ разрѣшеніемъ вопроса о духовномъ сословіи, эти училища перестали быть сословными, да и по самому уставу въ нихъ открытъ доступъ всѣмъ, желающимъ воспитывать въ нихъ своихъ дочерей. Между тѣмъ въ этихъ училищахъ такъ много приспособленнаго къ быту и положенію духовенства, и все направлено къ тому, чтобы дать серьезное умственное и нравственное развитіе. По своему положенію и назначенію эти училища занимаютъ золотую средину между высшими и низшими свѣтскими учебными заведеніями. Они преимущественно готовятъ дѣвицъ къ жизни.

С. С.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ОБЪ ИЗДАНІИ ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЖУРНАЛА

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ ⁶⁶

въ 1871 году.

Изданіе журнала Душеполезное Чтеніе, при помощи Божіей, будетъ продолжаемо въ 1871 году на прежнихъ основаніяхъ. Редакція постарается остаться вѣрною себѣ первоначальной задачѣ—служить духовному и нравственному наставленію христіанъ, удовлетворять потребности общеназидательнаго и общепонятнаго духовнаго чтенія.

ВЪ СОСТАВЪ ЖУРНАЛА БУДУТЪ ВХОДИТЬ ПОПРЕЖ-
НЕМУ:

1) Труды, относящіеся къ изученію св. Писанія. По этой части Редакція будетъ продолжать трудъ истолкованія церковныхъ чтеній изъ св. Писанія, извѣстныхъ подъ име-

немъ *паремій*. 2) Статьи догматическаго и правоучительнаго содержанія. Въ нихъ не будутъ упускаемы изъ виду современныя явленія въ общественной жизни, согласныя или несогласныя съ ученіемъ и установленіями православной Церкви. Иногда обсужденію этихъ явленій будутъ посвящаемы особыя статьи. 3) Разказы изъ общей церковной исторіи, и изъ исторіи русской Церкви. 4) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 5) Статьи относящіяся къ православному богослуженію. 6) Очерки изъ священной географіи. 7) Общеноятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 8) Описанія путешествій къ святымъ мѣстамъ. 9) Миссіонерскія свѣдѣнія. 10) Свѣдѣнія и сужденія о расколѣ. 11) Разныя извѣстія и замѣтки.

Сверхъ того предположено продолжать изданіе древняго патерика, въ переводѣ съ греческаго, прерванное въ 1862 году.

Душеполезное Чтеніе по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно.

Цѣна годовому изданію безъ доставки и пересылки: 3 р.; съ пересылкою иногороднымъ и съ доставкой московскимъ подписчикамъ: 3 р. 50 к.

Оставшіеся неразобранными полные экземпляры Душеполезнаго Чтенія за 1862, 1863, 1864, 1865, 1866 годы отпускаются по *два* рубля съ пересылкой; за 1867, 1868, 1869 и 1870 годы по *три* р. съ пересылкою.

Подписка на Душеполезное Чтеніе принимается: Въ Москвѣ въ домѣ редактора, священника Николаевской, въ Толмачахъ, церкви, Василія Нечаева; въ конторѣ университетской типографіи; у книгопродавцевъ: Соловьева, Глазунова, Озерантова, и Садаева. Въ С.-Петербургѣ: въ книжныхъ магазинахъ Кораблева, Базунова и Глазунова.

Иногородные благоволятъ относиться для подписки *исключительно* въ редакцію Душеполезнаго Чтенія въ Москвѣ.

Издатель и редакторъ Священникъ Василій Нечасвъ.